Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 210–217
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2023;(2):210–217
Политология и этнополитика

Научная статья
УДК 32
doi: 10.22394/2079-1690-2023-1-2-210-217

КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ирина Валерьевна Лескова[1], **Юлия Николаевна Манаенкова**[2], **Михаил Евгеньевич Зубарев**[3]

[1, 2, 3]Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку: Ирина Валерьевна Лескова, project.edu.2024@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы политических процессов современного государства, понимания его роли и места в мировых политических процессах в условиях глобализации. В статье подробно рассматриваются проблемы концептуализации суверенного государства в условиях глобализации, вызовов и повышенной конфликтности мировых политических процессов. В статье оценивается риски и вызовы суверенному государству в условиях неолиберализма, подчеркивается роль глобальных экономико-политических институтов в реализации неолиберального подходов и принципов глобального регулирования.

Ключевые слова: глобализация, суверенное государство, неолиберализм, демократизация

Для цитирования: Лескова И. В., Манаенкова Ю. Н., Зубарев М. Е. Концепция суверенного государства в условиях глобализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 210–217. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-210-217

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE CONCEPT OF A SOVEREIGN STATE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Irina V. Leskova[1], **Yulia N. Manaenkova**[2], **Mikhail E. Zubarev**[3]

[1, 2, 3]Russian State Social University, Moscow, Russia

Corresponding author: Irina V. Leskova, project.edu.2024@gmail.com

Abstract. The article analyzes the actual problems of the political processes of the modern state, understanding its role and place in world political processes in the context of globalization. The article examines in detail the problems of conceptualizing a sovereign state in the context of globalization, challenges and increased conflict in world political processes. The article assesses the risks and challenges to a sovereign state in the context of neoliberalism, highlights the role of global economic and political institutions in the implementation of neoliberal approaches and principles of global regulation.

Keywords: globalization, sovereign state, neoliberalism, democratization

For citation: Leskova I. V., Manaenkova Yu. N., Zubarev M. E. The concept of a sovereign state in the conditions of globalization. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2023;(2):210–217. (In Russ.). https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-210-217

Современное общество в значительной степени способствовало усилению необходимости переопределения позиции суверенного национального государства. В классическом понимании суверенитет предполагает независимость государства в международных отношениях, которая вытекает из внутреннего суверенитета этого государства. «Классическое представление о суверенитете в эпоху глобализации не только серьезно ограничивается, но и в чем-то видоизменяется. Второй крупный вызов для современного государства исходит из сферы экологии, из сферы отношения человека и общества к природе (...) Третья группа вызовов для современного государства исходит из сферы культуры. Сохранение и развитие национальных культур и этнической идентичности представляет собой противовес процессам глобализации и стандартизации. (...)

© Лескова И. В., Манаенкова Ю. Н., Зубарев М. Е., 2023

Наконец, как драматическим образом показывает нынешняя ситуация, современные государства сталкиваются с большими проблемами, которые возникают во времена больших экономических и финансовых кризисов и потрясений, которые порождают армии безработных, расширяют поля бедности и поднять уровень конфликтности внутри современных государств и обществ» [1]. Государство не только защищает культуру и язык большинства (возможно, и религии), но и принимает меры для того, чтобы эта культура и язык доминировали в публичном пространстве. Напротив, культуре и языку других этнических групп гарантируется защита только в частном пространстве, поэтому они не могут конкурировать с доминирующей культурой и языком. Таким образом, базовая нация не чувствует угрозы.

Реалистический подход рассматривает государство как единственного актёры сложного мироустройства, «существующего в результате баланса сил, стремящихся максимизировать государственные интересы» [2]. Либерализм выступает в международных отношениях как альтернатива реализму.

Концепция современного государства и неолиберальные вызовы

Мнение, что государство может быть единственным источником лояльности, оказалось неадекватным для осмысления положения и роли государства в начале второго тысячелетия [3, с. 12]. Принимая во внимание, что международные отношения трудно свести только к отношениям между суверенными нациями/государствами, как утверждает классический подход к суверенитету, внезапно вестфальский подход к государственному суверенитету в международных отношениях устарел.

Суверенное национальное государство, каким мы его знаем со времен Вестфальского мира (1648 г.) ограниченный союз. За время своего существования национальное государство менялось и адаптировалось в соответствии со своими функциями: «Оно было не только охранителем территориальной целостности и законным обладателем права на применение силы, но и основной формой социальной интеграции и движущей силой капиталистическое развитие». Через законодательство и образование ряда государственных аппаратов национальное государство пыталось защитить внутренний рынок, чтобы укрепить национальную экономику и благосостояние своих граждан [4, с. 89]. А выстраивая механизм социального законодательства, она пыталась смягчить и устранить негативные социальные последствия беспощадной логики рыночной конкуренции» [5, с. 176]. С другой стороны, сохранение суверенитета государств является, пожалуй, важнейшей их задачей, поскольку «государство, теряющее свой суверенитет, перестает быть государством, а когда общество теряет свою идентичность, оно перестает быть суверенной личностью» [6].

В этом контексте концепция Вестфальского государства, функционировавшая в течение трех с половиной столетий, была заменена новой ролью государства в процессе глобализации. «Тенденции этой формы глобализации характеризуются большой мировой волной изменений, среди которых мы могли бы отметить здесь лишь некоторые из наиболее значительных. Прежде всего, можно выделить возникновение открытого и непрерывного мирового пространства, где происходит перераспределение власти и влияния в пользу транснациональных и наднациональных акторов (сжатие мира или мира как единого места). Параллельно развивается и глобализация как открытие и противостояние миров, сопровождающееся появлением напряжения между центром и периферией, одновременно схватывая локальное с глобальным» [5].

Проблема заключается в том, что более слабые и менее развитые государства не в состоянии сохранить свою государственность под диктатом мировых кредиторов и кредиторов. Они фактически вынуждены приспосабливать весь спектр государственной политики к определенным стандартам, от которых отказались западные страны [7]. «Это приводит к противоречивым и противоречивым процессам суверенитета и десуверенизации в нынешнюю эпоху глобализации». В менее развитых странах очевидна либерализация, тогда как в более сильных странах происходит возврат к известному кейнсианству и укреплению позиций государства, прежде всего в социальной сфере» [8].

Дэвид Харви справедливо отмечает, что неолиберальное государство представляет собой нестабильную и противоречивую политическую форму [2]. Неолиберализм, как определяющая политико-экономическая парадигма современности, указывает на то, что вмешательство государства должно быть сведено к минимуму из-за эффективности капиталистического порядка.

Свободный рынок считается единственным рациональным, справедливым и демократическим выбором. Таким образом, современное государство оказалось включенным в транснациональную систему, которая либо рушится, либо, по крайней мере, ослабляет свои основные функции. «Конец 20 века принес развитие различных типов границ, от полностью закрытых, полузакрытых до текучих или проницаемых и подвижных. В то же время некоторые границы, по крайней мере, в экономическом смысле, перестали существовать. Однако, хотя благодаря транснациональным глобалистским течениям суверенитет государства концептуально претерпел определенные изменения, границы как зоны, разделяющие ареалы разного географического, политического, экономического, этнического и иного характера, по существу, сохранили свою роль во главе государства как главный субъект международных отношений. Безусловно, упомянутые современные процессы технологической, экономической и социокультурной интеграции между наиболее развитыми регионами мира усилили механизмы взаимозависимости, то есть политику децентрализации и процессы группирования государств» [9].

Утрата принципов демократии национальным государством

Усилились процессы де-демократизации, который на основе концептуализации неолиберальной модели глобализации вторгается во все части мира. Н. Хомский указывает на заявление корреспондента «New York Times» Нила Льюиса, который указывает на то, что наиболее важным убеждением американской внешней политики является следующее: «Разговоры о желании видеть американский стиль демократии как копию во всем мире, является постоянным требованием американской внешней политики» [10].

Взгляд на демократию и капитализм, точнее его неолиберальную модель, привел к гибели демократических ценностей в пользу капиталистических, что оставило много места для развития пост демократии как новой формы того, что Ю. Хабермас называет «фасадной демократией» (...) Несмотря на публичные провозглашения, дальнейшее нарушение равенства является следствием того, что при капиталистическом строе демократически избранные политики, даже левые, не могут успешно проводить меры, которые они считают лучшими и в то же время удерживать власть без сотрудничества с частными инвесторами и международными финансовыми организациями» [11]. Даже если предположить, что существует воля к управлению внутренней и внешней политикой вне неолиберальной концепции, мы сталкиваемся с угрозой того, что владельцы крупного капитала просто изменят потоки их денег, или что мы столкнемся с различными давление как снаружи, так и изнутри.

Наоми Клейн указывает, что «М. Фридман и его последователи приняли и усовершенствовали следующую стратегию: ожидание крупного кризиса, затем продажа частей государства частным игрокам, пока граждане еще не оправились от шока, и затем немедленно объявить реформы перманентными» [12].

Это еще больше затрудняет определение роли государства, которое навязывает сам неолиберализм. Одно из ключевых противоречий неолиберального государства, на которое указывает Дэвид Харви, заключается в том, что развитые страны Запада несмотря на то, что они настаивают на свободном рынке и неолиберальных принципах, на практике часто идут противоположным курсом, чтобы защитить определенные чувствительные области. Есть, например, вмешательства, направленные на защиту сельского хозяйства, промышленности, обеспечение социальных прав и безопасности граждан, повышение уровня образования и др. Вот почему практически невозможно найти государство, которое всегда и везде будет придерживаться неолиберализма. «Государства развития согласуются с неолиберализацией до тех пор, пока они способствуют конкуренции между фирмами, корпорациями и территориальными образованиями и принимают правила свободной торговли, полагаясь на открытые экспортные рынки». Но они активно вмешиваются в создание инфраструктуры для благоприятного делового климата» [2]. Это подводит нас к мысли о неоднозначной роли неолиберального государства, заключающейся в том, что оно не должно мириться с финансовыми неудачами и что в случае экономических проблем оно должно вмешаться, чтобы исправить ситуацию как кризис [13, с. 15]. Это приводит к необходимости вмешательства государства с целью финансовой поддержки и спасения не только от финансового кризиса, но и спасение компаний, которые он считает важными.

Всемирный банк, безусловно, самый влиятельный разработчик теории и стратегии развития, разработал очень похожую модель развития. Эта организация дистанцировалась в 1990-х гг. от прежнего строгого и чистого неолиберализма, приняв более прагматичный, целостный подход. Стремясь оправдать само свое существование, Банк постепенно расширял свою доктрину развития [14]. Главным стимулом послужила разочаровывающая эффективность «структурной перестройки» – программ, направленных на сдерживание, сбалансирование бюджетов, дерегулирование рынков, открытую экономику и приватизацию государственных корпораций – особенно в Латинской Америке и Африке.

Так называемый «пост-Вашингтонский консенсус» отражает эти предположения, хотя внутри него возникают актуальные политические дискуссии по поводу надлежащего темпа, последовательности и сочетания реформ для любой конкретной страны, региона или периода [15].

«Третий путь», отстаиваемый, в частности, премьер-министром Великобритании Тони Блэром и президентом США Биллом Клинтоном, требует от государства более активной роли, чем та, которую предусматривает либерализм старого образца (североамериканский неоконсерватизм). Этот приоритет направляет внимание правительства на улучшение всеобщего образования и технической подготовки, а также на технологические исследования и разработки. Тем не менее, «Третий путь» не выступает за крупные перераспределительные реформы или регулирующие меры, способствующие равенству возможностей или условий [16].

Джордж Сорос в своей книге 1998 г. «Кризис глобального капитализма: открытое общество под угрозой» предупреждает, что нерегулируемые рынки угрожают вызвать негативную реакцию населения из-за ненадежности и неравенства, которые они порождают. Известный неоконсерватор Фрэнсис Фукуяма называет нынешнюю эпоху «великим разрушением» [17], характеризующимся социальным распадом, моральным упадком и социальным беспорядком. Почему существуют эти тенденции? Отчасти потому, что «культура интенсивного индивидуализма, которая на рынке и в лаборатории ведет к инновациям и росту, распространилась на сферу социальных норм, где она разъела практически все формы власти и ослабила узы, связывающие семьи, соседей и нации вместе» [17]. Если отдельные рынки разрушат общество и природу, эта тенденция станет легитимным защитным ограничением рыночных сил.

Цифровая революция, особенно стремительное развитие социальных сетей, радикально изменили функционирование современной демократии. Цифровая революция предлагает бесчисленные новые возможности для взаимного общения и доступа к неограниченному количеству информации, социальным сетям, но это угрожает традиционному обеспечению качества информации, снижает уровень дискуссий и расширяет публичное пространство упрощенными лозунгами, фальшивыми новостями, разделяет общество.

Активность избирателей постепенно снижается. Данный факт подтверждается в странах Европы, где избиратели традиционно более активны, чем в США. Это, безусловно, применимо и к выборам в Европарламент, хотя активность избирателей в выборах в 2019 г. немного увеличилась. Уровень участия особенно низок в странах Центральной и Восточной Европе, многие представители молодежи считают, что политическая элита не предоставляет им достаточных возможностей для участия в процессе принятия решений и что их мнение не воспринимается всерьез [14].

Неудовлетворенность функционированием демократии ведет к росту недоверия к выборным институтам и в обществе чувствуется призыв к прямой демократии. Поскольку активность политических консультаций с гражданами не определены с точки зрения их деятельности и отношения к представительной демократии, то это вызывает недовольство граждан, которые не получают прямого ответа на свои предложения, апелляции к властям и жалобы [3]. Это, в свою очередь, приводит к протестным движениям, демонстрациям, а иногда и к насилию на улицах. В этом смысле особенно заметно движение «желтых жилетов» во Франции. Как и другие подобные движения, оно характеризуется сильным противостоянием масс и элиты. Наблюдается контраст между людьми «из ниоткуда», используя термин Дэвида Гуджарат, которые не стесняются идти куда угодно со своими дипломами и навыками, в отличие от людей «откуда-то», которые прочно укоренились в своей местной среде и не иметь ни воли, ни возможности «выйти в мир».

Растущая сложность современного мира приводит в некоторых странах к новому призыву к сильному государству и сильному гражданину, чтобы заново привить ценности молчаливого большинства. Знаком времени является призыв в обществе убрать прилагательное «либеральный» из термина «либеральная демократия» [18].

Демократия является элементом хорошей жизни, что она способствует гибкому правительству, что она не препятствует экономическому развитию, а скорее может способствовать хорошей политике; и что это позволяет людям посредством свободного обсуждения определять свои потребности и приоритеты.

Амбивалентность концепции глобализации как вызов национальному государству

Концепция «Развитие как свобода» снижает вероятность того, что высококонцентрированная частная собственность на средства массовой информации может сузить общественные дебаты до минимума. Такая концентрированная собственность на СМИ сегодня является реальностью практически во всех либерально-капиталистических обществах, как развитых, так и развивающихся [19, с. 83].

Эта растущая глобальная мобильность и ее следствие – слияния, которые порождают все более крупные транснациональные картели, – создают проблемы как для демократии, так и для равенства, особенно когда эти тенденции сочетаются с глобальным снижением уравновешивающей силы организованного труда [20, с. 35].

Концепция глобализации привносит амбивалентность в контекст потребления. Дж. Бартельсон [21] утверждает, что именно понимание амбивалентности этого понятия является важным и решающим фактором, позволяющим считать появление глобализации фактом. Различные дискурсы соревнуются друг с другом, чтобы представить наиболее приемлемую интерпретацию и понимание этого явления. Хотя определения и концепции глобализации можно найти в различных дисциплинах социальных наук – политологии, экономике, социологии, философии, географии и коммуникативных исследованиях, глобализация – это просто отдельная область, принадлежащая любой из этих дисциплин. Традиционно выделяют реалистическую (У. Бек, А. Гидденс) и конструктивистскую (Ч. Муфф, Т. Риссе) теории социальных наук, анализирующих феномен глобализации. Обилие описаний и определений глобализации само по себе вызывает опасения по поводу ценности и полезности этих различных теорий. Дж. Лауссон [22] отмечает, что не так просто решить, какая теория более верна, всеведущий или локальный подход. На что должны ориентироваться теоретики глобализации – на эмпирические данные, раскрывающие, как проявляется глобализация, или на культурные аспекты и социальные отношения каждой конкретной области?

В целом выделяются сторонники трех концептов интерпретации феномена глобализации – «гиперглобалистов», «скептиков» и «трансформаторов» [21]. Гиперглобалисты говорят об упадке мощи национального государства, что ведет к уменьшению способности государства контролировать граждан. Они предсказывают, что глобализация будет продолжать разрушать и подтачивать государственный суверенитет и автономию. В отличие от гиперглобалистов, скептики утверждают, что в мире принципиально ничего не изменилось. Глобализация как явление – всего лишь миф, а весь мир – просто супер интегрированный глобальный рынок [23].

Сторонники третьего концепта глобализации – трансформационисты – утверждает, что новый режим и порядок интерпретации суверенитета заменяет традиционное определение статуса независимого государства, где государственность абсолютна, неделима, закрепляется только за определенной территорией и не дает никакой власти гражданину или ущемляет форму правления [24, с. 506]. Гражданин получает больше власти при принятии решений в государстве, потому что сама власть рассредоточена по разным институтам: государственным институтам, гражданскому обществу (различным НПО и т.д.), международным организациям (ЮНЕСКО, НАТО, ЕС), международным неправительственным организациям.

Глобализация изменяет внутреннее качество социальной и политической жизни. Сегодня суверенитет все меньше понимается как границы, разделяющие определенную территорию; скорее, он рассматривается как источник переговоров, соглашений, определяющих текущую политику как сложную сеть транснациональных коммуникаций [21]. Представители концепта «трансформационисты» утверждают, что глобализация является главной движущей силой быстрых социальных, политических и экономических изменений, которые меняют современные общества и мировой порядок [21]. Эти три разные концепта демонстрируют, что дискурсы глобализации многогранны; они выявляют как положительные, так и отрицательные последствия глобализации для социальной реальности.

Дж. Бартельсон подчеркивает, что сегодня концепция глобализации все меньше и меньше рассматривается как идеологическое оружие; больше подчеркивается сила этого понятия, его способность быть инструментом преобразований и движений [16]. Фактически следует согласиться с утверждением Дж. Бартельсона о том, что важность глобализации исходит не из множества различных теоретических определений и смыслов, а из воздействия глобализации на мир, которое понимается и определяется концепциями современной социальной науки. Отношения между современным государством и политикой невообразимы без объяснения процесса глобализации. Глобализация пронизывает все сферы жизни общества, в том числе и политику. Глобализацию можно понимать прежде всего как развитие, углубление и ускорение взаимосвязанности всех аспектов современной социальной жизни в глобальном масштабе [16; 25].

Конкретные процессы и технологии глобализации- в производстве, в негосударственном и транснациональном управлении, в электронных и компьютеризированных коммуникациях – пронизывают все общественные процессы. Характерные для того периода анализы, стратегические интервенции и политические обещания также явно сосредоточены на определенных про рыночных, антигосударственных признаках, то есть на неолиберализме.

Неолиберальная глобализация по-прежнему предлагает свое объяснение неспособности государства в поиске решений по отношению к рынкам. Однако в своем апогее неолиберальная глобализация неоднократно предлагала инструментарий, который, несомненно, соответствовал ее принципам, и тем не менее давал серьезные (хотя и противоречивые) ответы на реальные проблемы.

Последним показателем разрушения неолиберальной глобализации является широко наблюдаемое общее нарушение космополитической или локализирующей идентичности и возрождение исключительных форм национализма, регионализма.

Правый популизм в последнее время стал особенно мощным разрушителем консенсуса элиты неолиберальной эпохи.

Заключение

В заключении следует отметить о противоречивости процессов глобализации, их излишней эмоциональной нагрузке относительно современного общественного дискурса. Процесс глобализации является исключительно сложным и противоречивым процессом. Процессы глобализации включают в себя переформатирование мирового пространства, ведущим направлением которого является появление новых сетевых структур во всех общественных сферах (политике, экономики, финансах и т.п.). Для современных представителей либеральной мысли процессы глобализации в основном означают измерение экономических и торгово-финансовых направлений, зачастую остается в стороне проблематика политических решений, трансформации публичных позиций социальных групп [26]. Процессы глобализации меняют позиции социальных акторов – суверенных государств, которым сложно поддерживать собственную идентичность без соответствующей привязки к глобальным структурам и наднациональным организациям. Вновь актуальным вопросом общественных дискуссий приверженцев либерализма становится дискурс роли и места современных демократических институтов, интерпретации теорий демократии.

Список источников

1. Stasavage, D., The Rise and Decline of Democracy. A global history from antiquity to today. Prinstona un Oksforda, Princeton University Press, 2020.

2. Стојадиновић М,. Матић П. Десуверенизација националних држава у процесуглобализације // Глобализација и суверености – са осврtом на Босну и Херцеговину /под. Ред. Б.Ковачевић/ Европски дефендологија центар. Бања Лука. 2014.

3. Наоми Клајн, Доктрина шока – процват капитализма катастрофе. Самиздат Б92. 2009.

4. Гаћиновић Р. Национална безбедност као кључни фактор у функционисањумодерне државе // Војно дело, Министарство одбране. 2017. №1. С. 89–90.

5. Сања Стошић, Александар Ђорђевић, Мултикултурализам савременог друштва инационални идентитет // Српска политичка мисао. Институт за политичке студије. Београд. 2018. №. 3.

6. Olson K. Deliberative democracy. In: B. Fultner (Ed.), Jürgen Habermas: Key Concepts. Acumen Publishing. 2011. pp. 140-155. doi:10.1017/UPO9781844654741.008

7. The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries'// World Development. 2000. № 28(5). Pp. 789–804.

8. Rajkot T., The Limits of Neoliberal Globalization // Montenegrin Journal of Economics. Economic Laboratory for Transition Research. 2020. Vol. 16(4). P. 157-170.

9. Гуторов В.А. Глобализация и кризис современного государства // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХИГС. СПб., 2017. Том 8. Выпуск 3 (30). С. 60-78.

10. Вукашин П. Држава и демократија // Савремена држава: структура и социјалне функције /под ред. Вукашин П., Стојиљковић З. / Факултет политичких наука, Konrad Adenauer Stiftung. Београд. 2010. С. 44–45.

11. Ноам Хомски. Контролисана демократија. ЦИД Подгорица. 1999. с. 419.

12. World Bank. Accelerated Development in Sub-Saharan Africa: An Agenda for Action, Washington, DC: World Bank, 1981. P 64.

13. Стојиљковић З., Пост(либерална) демократија, капитализам и криза државе// Урушавање или слом демократије? / Под ред. Вујачић И., Вранић Б./ Удружење за политичке науке и Србији, Факултет политичких наука. Београд. 2016.

14. Shigeki J. Neoliberal Globalization: Critiques and Alternatives// Theological Studies. 2008. №69(2). P.321–339. https://doi.org/10.1177/004056390806900205

15. Anderle J., Coffer R. Long-Term Trends in Rural Depopulation and Their Implications for Community Banks // FDIC Quarterly. 2014. № 8(2). P.44-59.

16. Held, D., McGrew, A. et al. 1999. Global Transformations / Politics, Economics and Culture. Cambridge Polity Press.

17. Fukuyuma F. The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order. New York: Free Press, 1999, p 3.

18. Roberts M.T. Globalization and Neoliberalism: Structural Determinants of Global Mental Health? // Humanity & Society. 2021. №45(4). P.471-508. https://doi.org/10.1177/0160597620951949

19. Обреновић З. Национална држава и изазови глобализације // Филозофија и друштво XIX и XX века. Београд. 2002.

20. Стоядинович М. Неолиберализм и неимпериалистический концепт глобализации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 2-1(47). С. 35-38.

21. Bartelson J. Three Concepts of Globalization // International Sociology. 2000. № 15. P. 180-196.

22. Lawson J. Mounting Turbulence in Neoliberal Globalization: Political Economy, Populist Discourse, and Policy in Alberta, Canada. Soc. Sci. 2022. №11. P.221. https://doi.org/10.3390/socsci11050221

23. Ступар М. Светски поредак, глобализација и питање суверенитета // Филозофијаи друштво XXI, Универзитет у Београду, Институт за филозофију у друштвену теорију, Београд, 2002. с. 274-282.

24. Naim M. Fads and fashions in economic reforms // Third World Quarterly.2000. №21(3). P. 505-528.

25. Харви Д. Краткая история неолиберализма : актуальное прочтение / Дэвид Харви ; пер. с англ. Н. С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. 285 с. ISBN 978-5-9763-0022-4

26. Westergaard John Where does the Third Way lead? // New Political Economy. 2009. №4(3). Pp. 429–436.

Reference

1. Stasavage D. *The Rise and Decline of Democracy. A global history from antiquity to today*. Prinston and Oxford, Princeton University Press; 2020.

2. Stoyadinović M,. Matij P. Desovereignization of National Dzhava in the Process of Globalization. *Globalization and Sovereignty – with a reference to Bosna and Herzegovina* /under. Ed. B.Kovachević / European Defendology Center. Basha Luka. 2014.

3. Naomi Klajn, *The Shock Doctrine – Capitalism Favors Disaster*. Samizdat B92. 2009.

4. Gaћinoviћ R. National well-being as a factor in the functioning of the modern dzhava. *Military Affairs, Ministry of Choice.* 2017;(1):89–90.

5. Sања Stoshiћ, Aleksandar Ђorђeviћ, Multiculturalism of modern times and national identity. *Srpska politician misao.* Institute for politics studio. Beograd; 2018;(3).

6. Olson K. Deliberative democracy. In: B. Fultner (Ed.), Jürgen Habermas: *Key Concepts.* Acumen Publishing. 2011.pp. 140-155. doi:10.1017/UPO9781844654741.008

7. The rise and fall of the Washington Consensus as a paradigm for developing countries'. *World Development.* 2000;28(5):789–804.

8. Rajkot T., The Limits of Neoliberal Globalization. *Montenegrin Journal of Economics. Economic Laboratory for Transition Research.* 2020;16(4):157-170.

9. Gutorov V.A. Globalization and the crisis of the modern state. *Scientific works of the North-Western Institute of Management RANEPA.* Saint-Petersburg. 2017;8(3(30)):60-78. (In Russ.)

10. Vukashin P. Drzhava and Democracy. *Samrema Drzhava: structure and social function* / ed. Vukashin P., Stojiљkoviћ Z./ Faculty of Political Science, Konrad Adenauer Stiftung. Beograd. 2010, pp. 44–45.

11. Noam Chomsky. *Democracy controlled*. CID Podgorica; 1999.

12. *World Bank. Accelerated Development in Sub-Saharan Africa: An Agenda for Action*, Washington, DC: World Bank, 1981.

13. Stojiљkoviћ Z., Post(liberal) democracy, capitalism and crisis dzhava. In: *Urushava or demolition of democracy?* / ed. Vujachiћ I., Vraniћ B. / Friendship for political science and Serbia, Faculty of political science. Beograd. 2016.

14. Shigeki J. Neoliberal Globalization: Critiques and Alternatives. *Theological Studies.* 2008;69(2):321-339. https://doi.org/10.1177/004056390806900205

15. Anderle J., Coffer R. Long-Term Trends in Rural Depopulation and Their Implications for Community Banks. *FDIC Quarterly.* 2014;8(2):44-59.

16. Held, D., McGrew, A. et al. 1999. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture.* Cambridge Polity Press.

17. Fukuyuma F. *The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order.* New York: Free Press, 1999.

18. Roberts M.T. Globalization and Neoliberalism: Structural Determinants of Global Mental Health? *Humanity & Society.* 2021;45(4):471-508. https://doi.org/10.1177/0160597620951949

19. Obrenoviћ Z. National dzhava and izazov globalization. *Philosophy and friendship of the XIX and XX centuries.* Beograd; 2002.

20. Stoyadinovich M. Neoliberalism and the non-imperialist concept of globalization. *Bulletin of the Cherepovets State University.* 2013;2-1(47):35–38.(In Russ.)

21. Bartelson J. Three Concepts of Globalization. *International Sociology.* 2000;(15):180-196.

22. Lawson J. Mounting Turbulence in Neoliberal Globalization: Political Economy, Populist Discourse, and Policy in Alberta, Canada. *Soc. Sci.* 2022;(11). https://doi.org/10.3390/socsci11050221

23. Stupar M. Svetsky Poredak, Globalization and Nutrition of Sovereignty. *Philosophy and Friendship XXI, University near Beograd, Institute for Philosophy and Friendship Theory*, Beograd, 2002:274-282.

24. Naim M. Fads and fashions in economic reforms. *Third World Quarterly.* 2000;21(3):505-528.

25. Harvey D. *Brief history of neoliberalism: current reading.* Transl. from English. N. S. Bragina. Moscow: Generation; 2007. ISBN 978-5-9763-0022-4 (In Russ.)

26. Westergaard John. Where does the Third Way lead? *New Political Economy.* 2009;4(3):429-436.

Информация об авторах

И. В. Лескова – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.
Ю. Н. Манаенкова – соискатель кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.
М. Е. Зубарев – соискатель кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета.

Information about the authors

I. V.Leskova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.
Yu. N. Manaenkova – Applicant of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.
M. E. Zubarev – Competitor of the Department of Political Science and Applied Political Work of the Russian State Social University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 18.04.2023.
The article was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 18.04.2023.